

НАТАЛИЯ СМАЙЛЕНЕ

DOWNSHIFTING ПО-РУССКИ

МОСКВА, 2016

Наталия Смайлене
Downshifting по-русски

«Издательские решения»

Смайлене Н.

Downshifting по-русски / Н. Смйлене — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902801-3

Мария устраивается на работу в офис «Москва-Сити», где встречается их — комиссаров корпоративной этики и морали. Крупная зарубежная компания стоит на пороге очередного экономического кризиса. И только сильный руководитель, цель жизни которого помочь людям диагностировать рак на ранней стадии, способен вывести бизнес на новый уровень.

ISBN 978-5-44-902801-3

© Смйлене Н.
© Издательские решения

Downshifting по-русски

Наталья Смайлене

© Наталья Смайлене, 2019

ISBN 978-5-4490-2801-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Down-shifting по-русски

После окончания третьего курса меня за хорошую успеваемость с группой студентов отправили на Байкал. Чем дальше мы удалялись от Москвы, тем красивее был вид из окна. И так хотелось запечатлеть картину – чтобы в ней и горы были, и лес смешанный – с островками белоснежных берез, и равнина с цветами. От суеты в городе, от метро, от огромного количества людей, от этой жизни на гереат мы можем спрятаться где угодно – у нас для этого – вся страна.

Ира, моя соседка по плацкарту и одноклассница по совместительству, сидела напротив и читала. Казалось, мы уже всё, что можно, обсудили. Но вдруг она оторвалась от книги, я от набросков, и посмотрела на меня спокойно, но внимательно:

– Маш, – спросила меня Ира, – а вот ты была в Европе, где тебе больше всего понравилось?

– Даже не знаю, Ир, у них всё как-то по-другому. Ну, может, не все.

Нас поселили в хостеле. Его интерьер передавал аутентичный русский быт, в нём принимали иностранцев со всего мира – из Италии, Франции, Германии, Англии, Австрии и Америки. Деревенский туризм, кажется, так это теперь называется.

Нам с Ирой достался настоящий деревянный дом с печкой, остальным ребятам – летние домики, с яркими ставнями и дверьми.

Мы ели омуля на завтрак, обед и ужин, узнавали обычаи коренных жителей Прибайкалья, ходили в горы, забирались на скалы. После нескольких дней экскурсий у нас выдался один свободный день, который часть студентов провела на «усадьбе», а остальные – играя в карты на берегу озера. Ливень застал нас врасплох, но подружил друг с другом моментально. Все вместе мы ходили на рынок за резиновыми сапогами, а потом бегали по лужам и смеялись.

Вечером дождь всё же кончился, и под огромным звездным небом в такой точке мира, где свежесть воздуха и чистота воды зашкаливает, я сидела на скамеечке у трапезной и пила чай. Было слышно, как ребята играли на пианино и гитаре, и только мне хотелось просто сидеть, просто смотреть в небо и быть наедине со всем этим совершенно одной. Но рядом со мной – гости усадьбы, иностранцы, кто на родном, а кто на выученном в школе американском языке обсуждали Россию и русских:

– Нет, вы только видели? Сколько у них земли? Сколько никак неиспользованных земель и ресурсов! – сказал один из них, явно начавший путешествовать недавно пенсионер. На нем были дорогие очки, на ногах – удобные кроссовки. Он пил пиво и делился впечатлениями с людьми, немного моложе его, но тоже говорящих на английском. Они познакомились, очевидно, на одной из экскурсий. Сидели поодаль друг от друга небольшими компаниями по два-три человека.

– Невероятно, – согласился другой, сидящий вместе женщиной, которая только внимательно слушала и смотрела на того, кто говорит.

– А когда я общаюсь с русскими, которых здесь встречаю, у меня создается впечатление, как будто они все – не работают.

– Да, точно, – подтвердил третий. – Но в деревнях, мне объяснили, сейчас почти нет работы. Сельское хозяйство здесь развито мало.

– Как может быть мало развито сельское хозяйство в стране с такими территориями? В это очень трудно поверить.

– Правительство России занимается внешней политикой.

– Ага, – тут все присутствующие немного оживились, каждый вспоминая о своем.

– Вы только представьте, что стало бы с Россией, если бы она принадлежала Европе, – сказал более молодой.

Всем стало весело. Я сидела в углу и даже не знала, в какой момент мне подать голос – когда они поделят территорию России на свои резиденции или в том случае, если перейдут на личные оскорбления.

– Нет, всё-таки, в России всё в упадке, это видно: и сельское хозяйство, и бизнес. И ведь реально не собираются ни с кем делиться!

Они снова посмеялись. Нет, никто из них не был настроен радикально – просто мысли вслух. Они как бедные родственники в гостях у миллионера, захлебывались слюной от несправедливости. Они были на одной волне, из стран, где каждый километр используют с умом и эффективно. Из стран, в которых по-настоящему экономят воду и много платят за газ. Из стран, чьи ученые разработали и внедрили альтернативные источники энергии и прочее. Они увидели, конечно, лишь часть России, одну из самых живописных, но как говорится, у хорошей хозяйки и туалет чист.

На следующий день я общалась с одним из них на экскурсии. Не о политике – о русской литературе, живописцах, о том, что в его стране разрешили однополые браки, и он до сих пор не определился, как он к этому относится, потому что стар. Он сам назвал себя старым, хотя ему было всего 60. Оказалось, что у нас схожие вкусы в музыке и что книг он читал, конечно, намного больше, чем я.

Но тот разговор, который я услышала тогда на Байкале, ещё долго не выходил у меня из головы, и чаще всего я вспоминала о нем, если в какой-нибудь компании речь заходила об отношениях разных стран друг к другу. Несмотря на то, что я до сих пор ничего не понимаю в этом, кое-что тогда мне стало понятно. Всё познается в сравнении, стала думать я. И с тех пор я захотела путешествовать по России ещё больше.

Я воспитывалась в обычной семье, училась в школе в самом обыкновенном городе. Как многие другие города России он жил по своим установленным правилам и люди в нем занимались тем же, чем и все остальные жители страны. В нем было всё – детские сады, заводы, дома детского творчества, один музей, театр, спортивные секции. Богатые и бедные люди, преступники и борцы за справедливость, пенсионеры, студенты и приезжие из области. Чего в нем не хватало мне – неизвестно. Но закончив школу, я поняла отчетливо – из этого города мне нужно уехать.

И я уехала в Москву. Примерно тогда началось мое последовательное приближение к тому, что я сейчас называю down-shifting по-русски. Но прежде чем начать спускаться по карьерной лестнице, нужно было сделать хотя бы пару уверенных шагов по ней вверх. И Москва, полная невероятных возможностей, мне в этом очень помогла.

Москва-Сити – самая масштабная бизнес-площадка столицы – теперь привлекает многих: от крупных инвесторов до таких простых девушек из ниоткуда, как я. Вчерашняя студентка без опыта работы, но с огромными амбициями, ехала на собеседование в башню на Набережной на метро. Девочки, лет 16-ти или 18-ти, сидящие по соседству за 5 минут съехали с темы, кто кого когда безумно любил, а кто позволял себя любить, и как правильнее,

до перечисления коллекционного виски у себя дома. Открытость переполняла их через край, молодость сочилась из наушников и звучала модными песнями на весь вагон. Столько азарта в глазах, столько наивности! Уверенные в том, что у них уже «всё было», что уже «всё знают». Примерно также думала и я в тот день.

На мне была лучшая на тот момент в моем гардеробе юбка, длиной чуть ниже колена, с яркими красными цветами по краю (как когда-то у мамы) и простой черный топ. Европейского типа внешность в ту весну привлекала абсолютно всех – и сотрудниц HR, и проходящих мимо меня на улице разнообразных мужчин. Я могла быть красоткой, если бы уделяла больше времени вопросам моды и ухода за собой. Если бы читала гламурные журналы, научилась бы выглядеть сногшибательно каждый день.

Но в тот момент жизни я не ценила тех прелестей, которыми награждает природа практически каждого из нас – здоровье, приятная внешность, умение схватывать всё на лету. Ну, и конечно, главный приз человеческой жизни – молодость. Беззаботное время, когда ещё ни за кого и ни за что не несешь ответственность. Всё, что ты делаешь – это получаешь жизненный опыт.

Опыт... Что же это такое? И учит ли он нас большему, чем простая житейская мудрость? Я думаю, вряд ли. Моя история о том, как я отказалась от успеха. Точнее от того, что под этим обычно подразумевают.

Время ускользало от меня, как и возможности. Я разбрасывалась ими направо и налево, а они всё продолжали появляться. Когда тебе 20, отчего-то думаешь, что через 5 лет всё кардинально изменится. Перестанешь общаться с людьми с мыслью, что после – ничто и никто не заставит к ним вернуться. Сжигаешь за собой не мосты – города. Ведь чем ты моложе, тем более жесток в своей манере уходить и прощаться. Не понимая до конца, что такое – уйти по-настоящему. Мало кто задумывается о смерти, начиная жить.

Самый популярный вопрос на собеседовании в то время был: «Кем вы себя представляете через 5 лет?» Он приводит соискателей в замешательство и чаще всего, они отвечают враньем:

– Я вижу себя руководителем проектов, у меня ответственная работа, несколько подчиненных и т. д.

Дело в том, что никто по-настоящему не хочет этого. Желания человека молодого возраста обычно примитивны до абсурда. Чаще всего, мы хотим просто денег, просто статус, шмотки и отдыхать на Бали.

Более подходящим может стать другой ответ:

– Через 5 лет, надеюсь, буду на вашем месте. 200 т.р. оклад, корпоративная тачка, квартира...

(При этом подразумевается, что человек будет делать всё, что угодно, лишь бы платили норм.)

И лишь те, кто задумывается обычно только о двух вещах – как бы свести концы с концами и при этом ещё достойно выглядеть, ответят:

– Я, в общем-то, не знаю. Стараюсь загадывать максимум на полгода вперед.

И та, кто будет готова за минимальную зарплату разгрести горы производственного или документального мусора, становится для работодателя «той, что надо». Особенно для такого, которому самому уже давно пора сделать скачок по корпоративной лестнице.

Прежде, чем принять нового человека в компанию, его проверяли: на стресс-интервью, на знание английского, и наконец, на чистый background.

В первый день работы в команде меня пригласили на обед в одно из летних кафе на террасе одной из башен. Небольшой, но важный отдел, состоящий исключительно из женщин, приветствовал нового руководителя. Очаровательный латиноамериканец средних лет и среднего роста, заоблачных целей, устойчивой харизматичностью и энергией, казалось, был готов

перевернуть всё вверх тормашками. А по-русски, просто перелопатить. Русская жена и совместный ребенок побудили приехать его работать в Москву. Так он сказал.

Ионис хотел произвести впечатление на всех и сразу. За один, но главный в тот день прием пищи, он, кажется, рассказал о себе всё:

– Я – абсолютный экстраверт, но таким я стал в этой компании. Раньше, в институте, я был интровертом, инженером и всё время что-то изобретал.

Он очень много улыбался своими ровными белыми зубами, контрастирующими с цветом кожи и особенно с цветом глаз. Темно-карие, чуть на выкате, глаза сверкали, как у ворона, у этой живущей по 300 лет птицы, знающей всё обо всех. Ионис как будто пытался заговорить нам зубы, ослепить своим неповторимым обаянием, не понимая одного – присутствующим было достаточно уже того, что он – иностранец, awesome, безусловно говорит по-английски, хорошо образован и хорошо знает людей.

Лед был расколот ещё в тот момент, как все мы сели за один стол ради встречи с новым, таким нездешним, таким нерусским боссом. И всё же северные женщины обдали его лавиной снега, вырвавшейся из сдержанности и дипломатичной чопорности, с которой они поддерживали разговор. Она накрыла всё живое в нём впоследствии, изменив не только его отношение к русским, но и его самого.

Открытый и искренний босс успешно завершил обед introducing himself, а после пригласил каждую из своих подчиненных в кабинет, чтобы коротко поболтать о том о сем, и быстро набросать психологические мини-портреты, чтобы тут же приступить к первоклассному менеджменту в лучших американских традициях.

Я зашла в его кабинет сразу после Олеси, специалистки отдела. Она работала в компании уже очень давно, знала Иониса ещё по деловой переписке, которую они вели, когда он работал в Америке.

Чувствовала себя неловко: во-первых, будто забыла все английские слова и от волнения всё, что смогла рассказать о себе – это то, какой институт закончила и какую специальность там получила. Ионис пытался задавать вопросы, но я была настолько напугана, что он быстро меня отпустил.

Я вернулась к рабочему месту и построению диаграмм в Excel по требованию начальницы. Должен был приехать Джерри, и она готовилась к этой встрече, нервируя всех остальных.

Она была женщиной приятной наружности с опытом, в том числе негативным. А сейчас, покрашенная в блондинку женщина лет 40, имитировала легкость и непринужденность в общении. Скрывая под этим самый настоящий невроз. При взгляде на неё хотелось подойти к ней сзади и треснуть по голове, чтобы она наконец перестала притворяться, ведь даже когда она улыбалась, она как будто плакала или злилась. Понятно, что того требовала американская корпоративная этика, но русский менталитет суров и натягивать идиотскую улыбку некстати нам не к лицу.

Мне хотелось разобраться в тех людях, с которыми предстояло работать. Чаще всего, меня не интересуют детали – с кем человек спит, кого любит и другие разные примитивности. Характер – вот, что интересно. Кто-то оказался достаточно прост и понятен, а кого-то пришлось изучать в течение нескольких месяцев. Самым сложным почему-то казался Ионис.

В разговоре с другом однажды обсуждали знакомых нам латиноамериканцев и сошлись во мнении, как легко с ними общаться, как они позитивны на первый взгляд, и как быстро с ними находишь общий язык. И только в конце разговора он, будто предостерегая, сказал: «И тем не менее, Маш, это ещё не означает, что они – хорошие люди. Ты согласна?» Я развела руками, немного их приподняв. Мне всегда нужны доказательства. Но даже когда они у меня есть, я ещё долго размышляю над тем, что есть хорошо, а что – плохо. Так вот, чтобы разобраться, кто такой Ионис, у меня ушел почти год, и я до сих пор не уверена, что права.

Мы много общались в первые три месяца моей работы в компании, переходя все правила субординации. Ходили вместе на обед и курить. У нас обоих был адаптационный период. У него – в среде русских, у меня – в среде работающих людей. Человеку, только что окончившему институт, необходимо время, чтобы привыкнуть к той мысли, что вот теперь по-настоящему началась взрослая жизнь. Мои родители вышли на пенсию, и становиться добытчицей было невероятно трудно.

В сухом остатке, вот что я узнала об Ионисе: он любил справедливость и смотреть сериалы. Он озвучил мне целый список, «обязательный к просмотру». Сам он всегда был исследователем, а работал «следователем» и соответственно, ему пришлось научиться разбираться в людях и различных жизненных ситуациях. Конечно, следователь РОВД и следователь в корпорации – это разные виды работы, но Ионис умел разобрать человека, его поступок и привычки, будто по отдельным элементам Lego. Чтобы после воспроизвести не ту конструкцию впечатления, которую человек пытается создать, а своё, максимально объективное видение. Где по оси x, скажем, – поведение, у – время, а z – прошлые успехи и достижения. И всё для того, чтобы в будущем, сотрудничая с тем или иным человеком, не нарваться вдруг на какую-нибудь неожиданную деталь. Ионис управлял внутренними рисками в компании, занимающейся бизнесом. И слоган его деятельности – «предвидеть – значит управлять».

У него были средства, чтобы и обо мне узнать всю подноготную. Но было ли ему это интересно? Всё, что он видел своими глазами – это молодую девушку, которая то курит, то бросает курить, имеет в запасах гардероба всего 6 или 7 деловых комплектов, ест обед в обратном порядке – от второго через суп к салату.

Его вопросов я боялась больше, чем увольнения. Потому что ни одному человеку в жизни не позволяла знать о себе всё. Но взаимный интерес друг к другу между мной и Ионисом только нарастал.

В нашей команде была девушка, которая знала о нем довольно много. И видя нас вместе, бывало, начинала подкалывать его. И к моему удовольствию, задавала ему неудобные вопросы, на которые, будто взяв мою привычку игнорировать, тот ничего не отвечал. Они дружили давно и, на мой взгляд, крепко.

А она – Жанна... девушка из Белоруссии. При знакомстве с белорусами я часто думаю, что там рождаются лучшие представители славян. Её внутренней страсти, казалось, хватило бы на всю женскую гуманитарную гимназию, которую я окончила. На неё можно было смотреть вечно: она была игрива, очаровательна и при этом скромна. Её скулы и большой лоб были идеальными. А декоративная косметика будто никогда не касалась её лица.

Она работала днём и ночью, но глаза никогда не краснели, её фигура не портилась, а по утрам она была также бодра, как и вечером. Умение флиртовать она привезла с собой из Франции, без которого люди, жившие там, уже не обходятся ни в одной точке мира. Но она была здесь не за красивые глаза, а за профессионализм, за мозги, так причудливо работающие в её организме.

Меня приняли на работу в начале лета – в период отпусков и поездок. И так получилось, что ни начальницы, ни специалистки отдела я не видела вплоть до сентября. От меня требовалось немного – освоить новое программное обеспечение для хранения документов в электронном виде, но иногда звонки и вопросы людей из других отделов заставляли врасплох, и мне не хватало опыта для того, чтобы ответить на них грамотно и непринужденно.

Тут меня спасал Ионис. Когда количество писем в Outlook доходило до 100 в день и больше, он брал свой laptop, садился со мной за один стол в Open Space, как будто за одну парту, и просматривал со мной каждый из тех вопросов, на которые я не знала ответа. О специфике работы в тот период я узнала всё и немного больше. Ведь теперь мне писали все те, кому была необходима информация, как от моей начальницы, так от специалистки отдела.

Ионис никогда не заигрывал, но с каждым днем он нравился мне всё больше. Казалось, что и он симпатизировал мне. Я была исполнительна и кроме того, пожалуй, внешне чем-то похожа на его жену. Потому что люди другой национальности всегда как будто на одно лицо. Мне он нравился настолько искренне, настолько платонически, как недавно повзрослевшей девушке может нравиться родной дядя.

Однажды одному менеджеру отдела продаж срочно требовался документ, который ему вовремя не отправили. На высоких тонах он говорил со всеми, кто был его ниже по положению. Впав в ступор, с выпученными глазами я пыталась найти документ, пока он нервничал за соседним столом. Отправила его ему и вернулась к своим делам.

Свидетельницей этого эпизода была Алена, которая сидела неподалеку от меня в Open Space. Казалось, ничего особенного не произошло, он немного превысил свои полномочия, был груб, раздражен и невежлив. Но когда Ионис узнал о происшествии, ноздри его носа вспучились, как у ещё необъезженной лошади, вынужденной внезапно остановиться по воле наездника. А глаза и без того большие, стали напоминать две мишени в пулевом тире, с черными сердцевинами в них.

На разборку он взял меня с собой. Он вошел в кабинет моего обидчика первым, и по-английски, что-то говорил ему. Что-то, во что я даже не вслушивалась.

Мой защитник выглядел при этом, как испанский конкистадор, демонстрирующий свои владения и власть в только что павшей от вторжения его войска провинции. Я была поражена.

С тех пор за документами из отдела этого человека к нам обращалась его специалистка. Тоже нервная меня она старалась ни о чем не просить. Потом я видела его в кофейне. Он разговаривал с директором HR. Он был взбудоражен, что-то активно ей объяснял. На лице читалось сильное эмоциональное напряжение. А через несколько месяцев я узнала, что его уволили. Или он сам ушел. В таком вопросе, как я поняла намного позже, это совсем неприципиально. Всего лишь расставание, в котором, как теперь говорится, виноваты оба. Причина увольнения не была в эпизоде, случившимся у нас в отделе. На многих предприятиях в России только так и разговаривают.

Когда ставки высоки, только человек с нервами из высоколегированной стали может продолжать функционировать нормально. Шаг вправо – ты бесчеловечен. Шаг влево – ты – банкрот. «Большие» люди так и вальсируют годами. Кто – до нервного срыва, кто – до инсульта, кто – до потери семьи. Он был человеком «не этой компании». Об этом понятии я узнала немного позже.

Теперь специалисты отдела комплаенс находились на особом счету и в покровительстве не только у авторитарного латиноамериканца, но и у компании в целом.

Надо сказать, что лето было чудным, вот только я его почти не видела, разве что могла залипнуть минут на 10, смотря в окно. В перерывах между перебиранием документов и тем, чтобы ответить на многочисленные письма сотрудников других отделов, нужно было как-то отвлечься.

Помню, ещё в старших классах учителей это страшно раздражало. Что поделать, улицы в моей жизни не было. Каждый день учеба в школе, занятия спортом и другие увлечения были расписаны по часам, но как я любила смотреть в окно! В этом занятии больше всего интересен процесс: сначала оцениваешь погоду за окном, потом в зависимости от времени года, рассматриваешь деревья, листья или прослойки снега между ветками, статичны они или подвижны. Насколько сильный ветер? Удача – увидеть в окне проходящего мимо человека, сразу есть о чём думать: кто такой, куда идёт, замёрз или нет.

Вот так я и летала в облаках: сначала в школе, потом в институте на лекциях. И наконец, оказалась в них буквально: на 60-ом этаже небоскрёба, в компании с мировым именем, с окладом большим, чем у всех остальных знакомых моего возраста, и тем же типом отдыха: долго-долго смотреть в окно.

Всё дело в том, что в башнях, они повсюду. Они не открываются, когда жарко. Не закрываются, когда холодно. Окна здесь – это внушительная часть строительной конструкции, прочнее, чем некоторые стены. В офисе вместо стен – перегородки. Вместо кабинетов – переговорки. Остальное – холл.

Если посмотреть перед собой в окно – можно увидеть, как на юге Москвы начинается гроза. Слева при этом будет солнечно. Облака тянутся в эпицентр событий, словно мягкая намагниченная металлическая стружка.

Приятно наблюдать за рекой и речными трамвайчиками. Хотя слово трамвайчик не подходит для описания тех ресторанов на моторе с яркими подсветками, от плавного движения которых вниз по реке поздним вечером невозможно оторвать взгляд.

А если подойти к стеклу вплотную, внизу увидишь котлован, начало очередной стройки. В движении, но будто в замедленной съёмке. Маленькие человечки передвигаются между плитами, их видно только благодаря ярко-оранжевым накидкам и каскам. Ты будто погружаешься в мир Lego в магазине «Hamley's». И тянется рука к кнопке, чтобы инициировать движение крана или перемещение машин из подземных парковок и обратно. И все это в условиях абсолютной тишины и безмолвия. Разве что звук печатания на ноутбуке или движение чувствительной части ксерокса дополняет картину и, наконец, возвращает в реальность. Точнее, в этот её срез.

Ах да, я забыла о главном комиссаре! В целом, в нашем отделе все были комиссары, как в игре мафия, потому что занимались вопросами безопасности. Но как в любом коллективе, был среди нас главный. Он отличался от Иониса тем, что был русским, а вопросы задавал не прямо, а невзначай, в разговорах о том о сём. Но не любили всем коллективом, потому что боялись.

Его фигура, рост и род занятий кому-то внушали отвращение. Народ думал, что ему известно всё обо всех, что он бывший КГБ-шник и вообще нехороший человек. А мне он нравился, своей «советскостью», словами «могу доложить». Дисциплиной и качественной, по своему самостоятельной исполнительностью чем-то напоминал моего отца. К женщинам относился осторожно, но с большим уважением, был всегда вежлив, и это не было наигранно.

Вот так и проходило то лето – в работе, в запарках в метро, в ежедневной усталости. Темп жизни сильно изменился по сравнению с институтом, а ответственность возросла. И только моральная поддержка таких мужчин, как Ионис и главный комиссар, заряжали и делали моё положение в жизни не таким унылым, как могло показаться на первый взгляд.

Я жила на улице Бехтерева на юге Москвы. Ходила в обыкновенные магазины, в которых продавщицы стоят за прилавками и советуют, что лучше взять. Рассказывают, когда и откуда привезли товар, знают всех покупателей и при встрече здороваются. Таким продавщицам не стыдно было признаться в том, что я не знаю из какого мяса лучше варить борщ, а из какого щи.

Мне казалось, что эти магазины как раз для такой как я, приезжей, снимающей жильё провинциалке. Там было всё просто и понятно, и как это заведено в провинции, с долей живого общения. И выходя из магазина, я чувствовала, что не просто купила продуктов на неделю, но ещё и побыла с людьми.

Уже в съёмной комнате я включала сериал на ноутбуке и засыпала. Так проходил каждый вечер, только количество просмотренных серий варьировалось в зависимости от того, вернулась я из фитнес-клуба или приехала сразу с работы.

После переезда из общежития у меня появилась мебель из «ИКЕА». Но книги и учебные материалы до сих пор не были разобраны и хранились в коробках. Нужно было зарабатывать деньги, а знания для этого не были нужны. EXCEL, Business English, техническая грамотность – навыки, которые пригодились.

То, что наша компания лучшая, нужно было усвоить сразу. «Best place to work», «job of a dream» – эти фразы произносились на общих собраниях в самом мотивирующем контексте. Мантра, помогающая вставать по утрам. Если ты хороший «team player», тогда – повышение, поездки, «team building» и за границей.

Я видела всё иначе: что работаю не на себя, а на компанию. Я как бы не имею своего мнения, потому что должна отвечать ценностям роста. KPI, заданной программе, адаптируемой HR. А для них – консалтинговыми фирмами. Ничего не создаю. А после меня, кроме электронного облака деловой переписки с поквартальной отчётностью там остается только кактус. За которым я вызвалась ухаживать.

Однажды Ионис спросил, кто я больше, европеец или человек востока. На английском вопрос звучал лаконичнее, но повторяюсь, в то время я вела себя как рыба, выброшенная на поверхность судна. Только хлопала глазами, брыкалась в страхе, что задохнусь. А в прошедшем обвиняла саму себя – не надо было так высоко подпрыгивать, не оказалась бы в лодке, которая куда-то уверенно плывёт. Чтобы что-то ответить, мне не хватало уверенности, времени и средств, чтобы привести себя в порядок и вспомнить английский.

И он спросил:

– Masha, do you have a boyfriend?

И я ответила:

– Yes, I have.

«Один раз в неделю», так я его называла. На самом деле, это был брак выходного дня. Два дня в неделю я вела себя, как обычная молодая женщина – наводила порядок в доме, стирала, готовила и иногда отдыхала. Но наши отношения, начавшиеся в студенчестве, доживали последний год, как старая женщина доживает свою жизнь в одиночестве, еле передвигая ноги по истертому полу. Они не просили уже не есть и не пить, потому что просто забывали об этом. Зато статус «есть друг» защищал меня – то от лишних вопросов, то от новых affairs. Affair – это не сказать, что влюбленность или интрижка. Это, как говорили в моем городе, замут.

На следующий вопрос:

– Does your boyfriend know that you smoke?

Я ответила по-русски:

– Нет.

Ионис сделал правильные выводы и рассказал эпизод из одного из любимого сериала. Где мужчина заявляется домой к понравившейся девушке, и говорит:

– I have no time for any romantic affairs, but I want to be with you.

Мы стояли вдалеке от башен, практически на проезжей части и достаточно далеко от вращающихся дверей у входа, от курящей толпы работников офисного улья. Чтобы я услышала эти слова, сказанные эмоционально, но tete-a-tete.

Я была молода и по сравнению с ним неопытна. Но я поняла, что это – намек. Прямой и безумно приятный. Ещё никогда прежде я не нравилась таким мужчинам.

Но я сделала вид, что не поняла. Я простила ему его симпатию, но еще три месяца назад я знала, что у него есть жена и ребенок. Я поняла, что надо уволиться, но только недавно мне начало хватать денег на то, чтобы расплатиться за квартиру...

Я была в смятении. Он, конечно, привлекательный мужчина, но как все женатые мужчины, для меня – как туалет, на дверной ручке которого висит флажок «занято». И даже, если очень хочется, и в поле зрения все остальные туалеты тоже заняты, можно потерпеть. Как он принял моё равнодушие? Я не знаю. Но в отличие от меня, он был искренен и ничем меня не обидел.

В тот день после ужина я вышла на незастеклённый балкон в кухне и зажгла сигарету. Всматриваясь в деревья на кладбище напротив подумала: «А интересно, когда я умру, Бог начислит мне пару очков? За то, что я не встречалась с женатыми».

После того разговора у башен Ионис уехал на две недели в командировку. Наступила осень, все женщины отдела снова исправно ходили на работу. За время отсутствия начальника мне требовалось наладить отношения с коллегами и бросить курить.

До Делового Центра я добиралась на общественном транспорте с конечной остановки автобуса, до метро и после с двумя пересадками. Через час с небольшим я выходила на станции метро Международная уже в совершенно другом составе людей. Где-то на кольце я подхватывала себе попутчиков из других районов в пиджаках, отглаженных до умопомрачения пальто, в белых или небесного цвета рубашках и дорогой обуви. Мы поднимались каждое утро на эскалаторах, сначала к стройке, затем проходили мимо подъезжающих на автостоянки машин, пробирались к башням сквозь пыль и шум, превышающий все нормы допустимых децибелов для человеческого уха.

Без паспорта или электронного пропуска, вызывающего одновременно лифт на нужный этаж и пропускающий внутрь здания, шансов попасть в башни не было. До вечера мы становились их полноценными обитателями, очередными переселенцами людей в неприступные крепости. В мирное время в непроветриваемых офисах, но с огромным количеством чая, кофе в автоматах и естественного света, мы проводили свои суматошные дни. В общей цели – защищать корпорации от банкротства, экономической смерти. Во имя глобализации. Аминь.

От станции метро Курская до Международной переезд минут 10. И вот однажды, пока поезд преодолевал эту дистанцию, пока я держалась за перила и боролась со сном, двое молодых людей сидели напротив и что-то бурно обсуждали. В этот короткий промежуток времени передвижения по самой короткой ветке метро им нужно было успеть обсудить самое важное:

– Мне моя говорит: «Давай в Подмоскowie квартиру купим, там подешевле». А она не понимает, что я даже сейчас на метро добираюсь по часу в день, а на машине буду 3, за бензин, рублей 200—300 в день, плюс за ипотеку, я очуюею просто!

– А ты посчитай, сколько тратишь на съём. Лучше платить за своё жильё, чем за чужое, – второй того же возраста, но очевидно на другой должности, стал говорить тише, заметив, что разговор услышали.

– Нет, ты подумай! Она и так не довольна, что я на работе пропадаю, а так я же только ночевать приезжать буду.

– Подумайте тогда в Москве о вторичке.

Скорее всего, второй уже взял ипотеку, подумала я. Странно, но знакомые в провинции живут намного богаче, чем я и эти двое мужчин. У них там уже и квартиры, и машины. Жилую площадь с чужими людьми – соседями не делят. Ходят по квартире в трусах... Олигархи!

Я тут же рассказала об этом эпизоде на работе. Тему поддержала Ксюша:

– Моя мама почти каждый день звонит мне и спрашивает, смотрела ли я объявления.

Ксюша, была самой исполнительной из всех, а после того как приехал Ионис, она сменила цвет волос, гардероб, подлечилась медитациями и йогой. Босс отреагировал на её слова быстро:

– Как? Купить свою собственную квартиру в 25 лет, ну окей, в 30?

- Да, ответила Ксюша, – у нас это нормально.
- Абсолютно, – подтвердила Жанна. Боже, как я полюбила эти её «Абсолютно» впоследствии!
- В Европе люди покупают своё жильё, можно сказать, к пенсии, а до этого арендуют.
- Кстати, Ионис, – влезла Ксюша, – а где вы сейчас продукты покупаете, в «Азбуке вкуса»?

Ионис выпучил свои огромные глаза, улыбнулся, но ничего не ответил.

Прежде я общалась с другими людьми. Компания аккумулировала в себе тех, кто амбициозен, любит успех и стремится к нему. Мужчины и женщины одевались так, будто подбирали себе наряды, копируя образы из модных журналов, кто-то обращался специально к стилисту.

Я, работая там, не делала даже make up. А одевалась просто – белый верх, тёмный низ. А в съёмной квартире затопила соседей, потому что поначалу не умела пользоваться стиральной машиной. Я отличалась от других стажеров в компании – москвичей, которые ещё жили с родителями.

Мы – те, кто хотел остаться в Москве после института, должны были потрудиться, чтобы сделать это. Очевидно, нужно было зарабатывать деньги – на аренду жилья, копить на стартовый взнос за ипотеку, на машину и прочее. Мечта – получать 100 тысяч – стала новым рубежом для вчерашних выпускников. Конечно, студентов технических специальностей расхватывали как горячие пончики расхватывают на станции «Нара» на пересадке из Москвы в «Нарофоминск». Кто-то подался сразу в нефть – благодаря знакомым или переехавшим в Москву родителям. Кто-то поступил в аспирантуру.

Но я относилась к тем, кому за 5 лет учёбы институт просто осточертел. К тем, кто решил для себя, что вернуться домой – это шаг в рутинную мрачную пропасть.

Идти работать по специальности решила только Ира. На предприятии, которое производит самолёты, она стала инженером, за 25 тысяч рублей в месяц. В городе, где средняя зарплата 60. Она была готова сначала ждать этого места полгода, а потом жить от зарплаты до зарплаты, без излишеств. И если в любом другом городе это может быть принято за нормальную, даже хорошую жизнь, то в Москве, городе соблазнов, её вести практически невозможно. Пожалуй, для этого нужно быть Ирой: скромной девушкой, честной и верящей в Бога. Поэтому я и дружила с ней, надеясь приобрести хотя бы одно из этих качеств.

Технарей среди новичков в компании было мало, в основном, выпускники экономических факультетов, лучших на тот момент ВУЗов страны. Но я тянулась к ним – таким благополучным, красивым, хорошо одетым баловням судьбы.

Как-то раз после тренинга «Как развить свою индивидуальность» у меня состоялся разговор с одной из представительниц этой «золотой молодёжи». Настя была дочерью бизнесмена и мамы практикующего психолога. Над ней круто поработала последняя, и это было видно. Она была, казалось, супероткровенна со всеми, (это качество в компании ценилось). Для меня это было как-то неестественно. В какой-то момент её как будто переделали, починили девайс, настроив под нужные миру модные тенденции.

Фамилия её была, как родовое имение, передающееся по наследству, вобравшее в себя лучшие традиции страны и её богатства. Известная и неповторимая. Она сидела на офисном стуле, пила кофе и смотрела на золотую башню «Меркурий». Которая как ни одна другая в тот день, отражала солнце целой Москве, её необъятным размерам и величию, с той страстью, с которой теннисисты отбивают мяч. Настя тем временем рассуждала о будущем:

- Когда у меня будет много денег, я построю несколько детских садиков в Москве и буду там директором.

Её мечта, как сама Настя, говорила сама за себя. Звучала и выглядела красиво. Она подвозила меня несколько раз с работы до Парка Горького. Мы могли бы подружиться, но этого не произошло.

Всё происходящее в то время толкало к тому, чтобы определиться с целями, зачем я здесь, в Москве, нахожусь. И стоят ли энергозатраты выделки. Ведь стресс-интервью превратилось в стресс-работу. Моей начальнице всё требовалось срочно и качественно.

Я никогда специально не делила знакомых людей по принципу: «приезжий» или «москвич». Но похожая предыстория творит чудеса.

Парень продолжал приходить раз в неделю, приносил еду и цветы. Это не утоляло ни ежедневный голод, ни потребность в цветах.

Осень настигла меня в холодной торцевой комнате. И никакие электронагреватели не спасали от ветра, дующего каждый вечер в окно. Кроме того, соседка по комнате съехала, а это значило, что теперь я платила вдвое больше. Плюс соседка по квартире, женщина 50-ти лет, получающая первое в жизни высшее образование, имеющая уже двух дочерей и внуков, морозила меня каждое утро.

Из-за её менапаузы в той квартире было, как в криогенной камере тепла и холода. Вот только на тепло её не выводили. Ледяной пол, ванная, в которую утром было не ступить, и постоянно открытый балкон в кухне. Серьёзно, ближе к зиме я думала, что однажды приду с работы, усну под всеми своими одеялами, а утром не проснусь – умру от холода. И меня так и найдут в шапке, перчатках и шерстяных носках. Девочка с севера, замёрзшая без любви. От непонимания соседки или недостатка денег. И только одна мысль грела, что кладбище недалеко. Вот только на место на нем ещё нужно было заработать.

На работе я не только занималась этим, но еще и отогревалась чаем. И вот в один прекрасный день, на кухне я встретила его.

Он – это Слава, встреча с которым вдохновила меня на то, что я ещё не готова – ни понять, ни осознать правильно. Слава – это тот человек, тот элемент мозаики, который присутствовал во всех тех сложных взаимоотношениях между моими коллегами, его подчиненными.

Это был будний день. Но того времени года, которое отрезвляет людей дождем и пасмурным небом после беспорядочно позитивного лета. И лишь немногим оно напоминало об осени пушкинской. Совсем другой осени – поэтов и романтиков, собирающих кленовые листья в коллажи и радующимся оранжево-красным улицам и скверам. Я же не могла чувствовать к ней больше, чем безразличие, потому что наблюдала её из окна офиса, в котором проводила много времени. В районе Москвы, в котором деревьев как будто нет.

В тот день на мне было серое платье, кардиган и высокие черные ботинки на толстой подошве со шнурками, доходящими до середины голени. Если бы знала о предстоящей встрече, я бы надела туфли. Но к середине сентября я уже с головой погрузилась в работу и в одежде обращала внимание только на то, чтобы она была максимально теплой.

Соседи по столу спорили о том, какую температуру выставить на кондиционере, я каждый час бегала на кухню и возвращалась с новой порцией чая Greenfield из пакетика. Сладкий кофеиновый напиток заставлял мозги шевелиться и прогревал меня изнутри. Темно-серого, цвета свежего прокатного листа, небо со всех сторон Open Space офиса, находящегося на высоте образования облаков в атмосфере, оттенял кожу моего лица. Будто доживающую последние дни на выставке под открытым небом статую Микеланджело, белую, но в отпечатках вчерашних изливаний стихии, которой всё равно, кто перед её безусловной силой падет – смертный или masterpiece. Я только что сравнила себя прежнюю с шедевром потому, что тогда, в те самые

дни знакомые и коллеги, редкие фотосессии на выходных запечатлевали мои «лучшие годы», а если говорить ещё точнее, год.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.